

А. Д. ОРИШИН

О ЗНАЧЕНИИ «РИТОРИКИ» ЛОМОНОСОВА

Ломоносовская «Риторика» трактуется обычно как теория высокого украшенного слога, как свод правил распространения речи с целью придания ей пышности и великолепия. В учебных курсах по русской литературе XVIII в. она, как правило, рассматривается в разделах, посвященных поэтике произведений высоких жанров.

С этим нельзя согласиться. Определение «Риторик» как теории высокого слога обедняет и искажает важное историко-литературное значение этого выдающегося теоретического труда Ломоносова. Оно, как нам кажется, идет еще от того времени, когда классицизм подвергся ожесточенным нападкам со стороны шедшего ему на смену романтического направления и когда еще не было условий для спокойной и беспристрастной оценки его исторической роли в русском литературном процессе.

Общеизвестно, что в XVIII в. ломоносовская «Риторика» была одним из наиболее популярных и высокоценимых научных трудов Ломоносова. Достаточно сказать, что до конца века она выдержала семь изданий. В журналах того времени она оценивалась как важное руководство для молодых писателей, как труд, который они должны читать и перечитывать, размышлять о нем и пользоваться им в своих сочинениях.

Однако с конца XVIII в., когда нормативная поэтика классицизма стала подвергаться критике, прежнее отношение к «Риторике» резко изменилось. Уже Радищев, довольно высоко оценивая литературную деятельность Ломоносова, решительно отвергает его «Риторику» как «предначертание правил красноречия». Он считает тщетным преподавание правил того, что «более чувствовать должно, нежели твердить».¹ В сознании представителей романтического направления первой трети XIX в. ломоносовская «Риторика» прочно связывается с тем высоким слогом, который без-

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 387.

успешно пытались противопоставить новому литературному стилю карамзинистов литературные старожилы, охранители классических традиций XVIII в.

Это одностороннее и в значительной степени отрицательное представление о ломоносовской «Риторике» существенным образом не пересмотрено и до сих пор. Правда, в ряде современных работ заметно стремление показать как можно шире значение этого труда, подчеркнуть в нем ряд таких сторон, на которые не обращалось внимания в старых работах. Так, в статье Н. В. Баранской «Чем была „Риторика“ Ломоносова для современников»² и в комментариях к «Риторике» в VII томе академического издания сочинений Ломоносова подчеркивается значение этой работы Ломоносова в разработке теории трех стилей и установлении лексических и синтаксических норм литературного языка. Во многих работах отмечается значение «Риторики» как литературной хрестоматии, содержащей много произведений и отрывков из произведений мировой литературы, начиная от античности и кончая стихами самого автора. При этом подчеркивается просветительская тенденция автора в подборе произведений, цитат, пословиц и т. д. А. В. Западов указывает еще на одно значение этого труда Ломоносова. «В сущности, первая часть „Риторики“, — пишет исследователь, — несла читателю важнейшие элементы логики как учебной дисциплины, разъясняла формальные законы мышления, учила строить силлогизмы, рассуждать, доказывать, делать правильные умозаключения».³

Отнюдь не подвергая сомнению верность всех этих соображений о значении «Риторики», нельзя в то же время не отметить, что в каждом из них мы имеем дело с указанием лишь на одно из побочных значений этого труда, а не на его суть.

«Риторика» Ломоносова — это прежде всего труд по теории литературы. Как известно, она была задумана и осуществлена автором как первая часть краткого руководства к красноречию, охватывающая общие правила красноречия, касающиеся как прозы, так и поэзии, как произведений «высоких» жанров, так и «средних» и «низких». За ней должны были следовать еще две части: «Оратория» и «Поэзия». Главное в ломоносовской «Риторике» — это учение об образе как выражении идеи или чувства в живом, конкретном представлении, это учение об образной поэтической речи, которая в той или иной мере присуща всем произведениям, как художественным, так и нехудожественным. Остановимся на этом несколько подробнее.

«Риторика» Ломоносова, как известно, состоит из трех частей: «Изобретение», «Украшение» и «Расположение». Что представ-

² Вестник АН СССР, 1948, № 12, стр. 34—38.

³ А. В. Западов. Отец русской поэзии. О творчестве Ломоносова. Изд. «Советский писатель», М., 1961, стр. 234.

ляет собой первая часть «Риторики» — «Изобретение»? В главе «О изобретении вообще» Ломоносов пишет: «Изобретение риторическое есть собрание разных идей, пристойных предлагаемой материи. Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем».⁴ Обогащение слова, обилие изобретений зависит прежде всего от «силы соображения», которая определяется Ломоносовым как «душевное дарование с одною вещию, в уме представленною, купно воображать другие, как-нибудь с нею сопряженные; например: когда представив в уме корабль, с ним воображаем купно и море, по которому он плавает, с морем — бурю, с бурю — волны, с волнами — шум в берегах, с берегами — камни и так далее» (стр. 109). Из этого определения совершенно ясно, что под «силой соображения» понимается здесь не что иное, как способность к ассоциативному, образному мышлению, которое является первейшей основой художественного творчества.

Отмечая, что сила «соображения» является душевным дарованием, Ломоносов предлагает, однако, некоторые правила, могущие способствовать ее развитию. На конкретном примере он показывает, как от каждого из основных «терминов», составляющих тему «неусыпный труд препятства преодолевает», образуются по законам ассоциативного мышления идеи — первые, вторичные, третичные и т. д.

Так, например, к термину «препятства» изобретаются от так называемых общих мест риторических следующие первые идеи: от жизненных свойств — страх, от времени — зима, война, от места — горы, пустыни, моря. В свою очередь от первых идей образуются вторичные: «страх — бледность, трясение членов, как листья в осень»; «зима — мороз, снег, град, деревья, лишенные плодов и листов, отдаление солнца»; «война — лютость неприятелей, мечи, копья, огонь, разорение, слезы разоренных»; «горы — вышина, крутизна, расселины, пещеры, ядовитые гады»; «пустыни — леса, болота, пески, скука, разбойники, звери»; «моря — непостоянство, волнение, камни, пучины» (стр. 114—115).

Вторичные идеи таким же образом могут быть еще более конкретизированы и развернуты при помощи третичных идей и т. д.

Из приведенного примера нетрудно видеть, что учение об изобретении имеет целью не достижение важности и великолепия слога, а выражение общих, отвлеченных понятий на основе ассоциативного мышления в образной форме, через их конкретно-чувственные проявления, признаки, качества. Ломоносовская таблица образования от терминов первых и вторичных идей — в сущности, не что иное, как логическая схема построения художественного образа, воплощения понятия в живом конкретном представлении.

⁴ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 7, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 100. (Далее ссылки на это издание в тексте).

Большинство следующих глав первой части также непосредственно посвящено проблеме художественной образности. Излагая те или иные приемы пополнения периодов, распространения слова, возбуждения, утоления и изображения страстей, изобретения вымыслов, Ломоносов подчеркивает, что основной целью является живое, картинное представление идей. Так, говоря о «риторических распространениях», он определяет их как «присовокупление идей к кратким предложениям, *которые их изъяснить и в уме живые представить могут*».⁵ «И посему, — добавляет Ломоносов, — риторические распространения не должны быть пустые собрания речений, мало или ничего к вещи принадлежащих, которые больше разум отягощают и отнимают краткого слова ясность» (стр. 127).

Определив «умножительное распространение», Ломоносов снова оговаривается, что оно «пополняет слово, а не надувает или растягивает. В сем погрешают многие из новых сочинителей, когда, забыв меру, принуждают себя, чтобы распространить слово. Никакого погрешения больше нет в красноречии, как непристойное и детское, пустым шумом, а не делом наполненное многословие» (стр. 128).

В главе «О возбуждении, утолении и изображении страстей» Ломоносов на первое место среди всех средств возбуждения страстей выдвигает «живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются» (стр. 169—170).

Что касается второй части «Риторики», носящей название «Об украшении», то она в еще большей степени связана с проблемой образности. В ней подробно рассматриваются различные виды поэтических тропов и фигур. Иными словами, она содержит то, что принято сейчас называть стилистикой, причем значительное большинство высказанных здесь положений, правил и определений сохраняет свое значение и сейчас.

Таким образом, повторяем, основное в риторике — это проблема художественной образности. Традиционная терминология — «изобретение», «распространение», «украшение» и т. д. — не должна вводить нас в заблуждение.

Правда, в «Риторике» Ломоносова отсутствует определение и понимание художественной литературы как специфической формы постижения мира, отличной от научного мышления. Но с исторической точки зрения это вполне оправдано. В то время художественная литература еще только начинала выделяться из общего состава письменности. Для самого Ломоносова поэтическая практика была неотъемлемой частью его общей научно-просветительской деятельности, одним из средств борьбы за экономическое и культурное преобразование страны. В отчетах о научной работе

⁵ Курсив наш, — А. О.

Ломоносов ставил свои поэтические произведения в один ряд с научными трудами. Отстаивая независимость своей гипотезы о причинах северного сияния от догадки Франклина, Ломоносов ссылаясь на свое «Вечернее размышление о божием величестве», в котором впервые была высказана эта гипотеза.

Основным критерием художественной литературы, ее права на существование, оправдания ее важного места в общественной жизни был для Ломоносова критерий практической и нравственной полезности. Отсюда — требование дидактичности, нравучительности литературы. Вот характерное в этом отношении определение повести, содержащееся в «Риторике»: «Повестью называем пространное вымышленное чистое или смешанное описание какого-нибудь деяния, которое содержит в себе примеры и учения о политике и о добрых нравах; такова есть Барклаева Аргенида и Телемак Фенелонов. Из сего числа выключаются сказки, которые никакого учения добрых нравов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют, но только разве своим нескладным плетением на смех приводят, как сказка о Бове и великая часть французских романов» (стр. 222).

Следует заметить, что такое упрощенное и прямолинейное понимание полезности литературы было свойственно классицизму в целом и с исторической точки зрения было отнюдь не недостатком, а необходимым моментом в развитии литературы в начальный ее период.

На протяжении всего XVIII века ломоносовская «Риторика» была настольной книгой писателей, в том числе и такого крупнейшего и оригинальнейшего поэта, как Державин.

Совершенно несомненно, что чтение и изучение ломоносовского руководства, выполнение упражнений, которые в нем рекомендовались, имело положительное значение для писателей XVIII в., способствуя развитию образного поэтического мышления.